

Н. Н. СТРАХОВУ

66

Моск.-Кур. ж. д. полуст. Еропкино.

Ноября, 1877.

Милостивый государь,
Николай Николаевич!

Прежде всего прошу извинить, если письмо мое почему-либо покажется Вам эксцентричным или несообразным. В моих интимных отношениях я люблю быть или на распашку, или никак. Я очень высоко ставлю формы общественной вежливости, но если за ней *tabula rasa**, то бог с ней.

Не буду говорить, до какой степени, после мимолетной встречи в Питере, меня тянуло сблизиться с Вами как с мыслителем. В нашей умственной пустыне такое влечение более чем понятно; но, увидав Вас ближе, я открыл в Вас то, что для меня едва ли не дороже мыслителя. Я открыл в Вас кусок круглого, душистого мыла, которое не способно никому резать руки и своим мягким прикосновением только способствует растворению внешней грязи, нисколько не принимая ее в себя и оставаясь все тем же круглым и душистым, плотным телом.

* чистая доска (лат.).

Вы скажете: «я объективен, как всесторонний мыслитель». — Какое мне дело: почему? Я чувствую себя с Вами хорошо, и этим довольствуюсь. Я не забыл данного Вами на прощанье обещания погостить у нас в летнее время будущего года. Но ведь подобные обещания часто даются вежливости ради, чтобы не обидеть отказом.

В настоящее время я в сильных попыках по случаю перекочевки из Орловской в Курскую губернию¹, где жена купила поистине очаровательное имение, как усадьба и как местность. Если эстетический человек может где вздохнуть свободно от трудов, то это, без сомнения, там. Это по той же Курской дороге, только 2 1/2 часами дальше к Курску. Лев Николаевич уже дал мне слово навестить нас летом. Он, бедный, с ужасом ждет разрешения своей милой, но слабеющей жены. — Очередь за Вами. На досуге черкните мне по выставленному адресу, можем ли мы рассчитывать на радость принять вас на новоселье?

Письменное обещание я уже приму за положительное и успокоюсь до лета в приятной мечте крепко пожать Вам руку при свидании.

Глубоко уважающий вас

А. Шеншин.

Мой адрес: Еропкино, Афанасию Афанас. Шеншину.

По литерат. фамилии моей в наст. время письмо и не дойдет, чему я очень рад, т. к. людям не нужна моя литература, а мне не нужны дураки.